

УДК 821.512.154(043.3)

https://doi.org/10.33619/2414-2948/63/48

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ АРАБСКИХ СЛОВ С ДОЛГИМИ ГЛАСНЫМИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

©*Каратаева С. К.*, ORCID: 0000-0001-9488-9880, канд. филол. наук,
Киргизский государственный университет им. И. Арабаева,
г. Бишкек, Кыргызстан, sonayimkaratayeva@mail.ru

PHONETIC MASTERING OF ARABIC WORDS WITH LONG VOWELS IN THE TURKIC LANGUAGES

©*Karataeva S.*, ORCID: 0000-0001-9488-9880,
Ph.D., Arabaev Kyrgyz State University,
Bishkek, Kyrgyzstan, sonayimkaratayeva@mail.ru

Аннотация. Цель статьи можно характеризовать как научное обозрение вокальной системы киргизского языка на фоне тюркской фонологии и закономерности развития вокальной парадигмы, трансформации и эволюцию долгих гласных в историческом контексте (влияния арабского языка) Средней Азии. Анализируются все данные, связанные с изменениями долгих гласных в вышеназванном нами языке и трансформация на основе арабских заимствований. Также, подвергается детальному анализу графическое влияние со стороны арабской графики в отношении киргизской фонологии и лингвистические факты о трансформации арабских лексем при адаптации в чужом языковом контексте. Объясняются особенности киргизского языка в масштабе Средней и Центральной Азии. Показываются (на примере архаичных слов, терминов религиозного лексикона) этапы и закономерности исторического развития вокальной системы данного языка в сопоставительном и когнитивном планах. Цель данного исследования сводится, таким образом, к выявлению и описанию закономерности развития квантовой фонетики, фоно-семантических особенностей долгих гласных на материале киргизских лексем и фонем с одной стороны и арабских гуттуральных и заднеязычных смычных — с другой. Общеизвестно, что фонетический спектр и вариативная языковая палитра арабского языка очень разнообразны. В фонетическом отношении арабский язык обладает широко развитой системой согласных фонем, с другой стороны вероятность фонеморфологической и фоносемантической функции гласных в киргизском языке тоже довольно высока. В рамках данного исследования мы старались идентифицировать семь позиций долгих гласных в арабском языке, и параллельно этому показать трансформацию арабских звуков на основе внутренних фонетических законов киргизского языка. Следовательно, арабские долгие гласные в процессе адаптирования в киргизской языковом среде, в определенной степени, сохранили свой количественный признак (квантовой коэффициент) в сравнении с другим тюркским языкам Средней Азии.

Abstract. The purpose of our article can be characterized as a scientific review of the vocal system of the Kyrgyz language against the background of Turkic phonology and the patterns of development of the vocal paradigm, the transformation and evolution of long vowels in the historical context (influence of the Arabic language) of Central Asia. Analyzing all data related to the long vowels' changes in the above-mentioned language and the transformations based on Arabic borrowings. Also, subjected to a detailed analysis of the graphic influences from the side of Arabic

graphics in relation to Kyrgyz phonology and linguistic facts about the transformation of Arabic tokens during adaptation in a foreign language context. Nevertheless, to explain the areal features of the Kyrgyz language on the scale of Central Asia. To demonstrate (on the example of archaic words, religious lexicon terms) the stages and patterns of the historical development of the vocal system of a given language in a comparative and cognitive plan. The purpose of this study is, therefore, to identify and describe the patterns of development of quantum phonetics, phonosemantic features of long vowels of Kyrgyz lexemes and phonemes on the one hand, and Arabic guttural and posterolinguistic connectives on the other hand. Kyrgyz and Arabic are multisystem languages. The Arabic language, in a typological sense, is inflectional and belongs to the Semitic group, at the same time, according to some scholars, the Kyrgyz is an agglutinative language and has Altai origin. It is well known that the phonetic spectrum and their variable language palette of the Arabic language is very diverse. In phonetic terms, the Arabic language has a widely developed system of consonant phonemes, on the other hand, the likelihood of the phonomorphological and phonosemantic function of vowels in the Kyrgyz language is quite high too. As part of our research, we tried to identify the seven positions of long vowels in the Arabic language, and in parallel to this show the transformations of Arabic sounds based on the internal phonetic laws of the Kyrgyz language. Consequently, the Arabic long vowels in the process of adaptation in the Kyrgyz language environment, to a certain extent, retained their quantitative character (quantum coefficient) in comparison with other Turkic languages of Central Asia.

Ключевые слова: киргизский язык, арабский язык, долгие гласные, фонема, заимствованная лексика, фонетическая структура, фонетическая трансформация, фонетический дублет, звуковое изменение, субституция.

Keywords: Kyrgyz language, Arabic language, long vowels, phoneme, borrowed vocabulary, phonetic structure, phonetic transformation, phonetic doublet, sound change, substitution.

Общеизвестно, вопрос о долгих гласных в киргизском языке остается до сих пор не решенным и порождает не малых резонансных дискуссий в научном мире. Это не означает, что данный вопрос остается нетронутым и мы являемся, в своего рода, первооткрывателями. Разумеется нет. Однако количество фундаментальных исследований по данному вопросу с привлечением фактических материалов, именно, киргизского языка, очень даже, скромно и их обширная интерпретация в научном аспекте, оставляет желать лучшего [1]. Следовательно, научная интерпретация звуковых трансформаций на примере естественного развития долгих гласных в составе фонетической структуры киргизского языка, признанной одним из древних в системе тюркских языков, в свою очередь, проливают свет на не решенные проблемы тюркской фонологии в целом. Именно, в таком ракурсе вопроса о долгих гласных в тюркских языках и заключается *актуальность* статьи.

Иллюстративные материалы исследования были взяты из «Киргизско-русского словаря» К. К. Юдахина, и в общей сложности было проанализировано 90 слов с долгими гласными. В работе использованы как эмпирическое (сбор, классификация, систематизация, интерпретация материала, наблюдение, перевод, эксперимент), так и теоретические (сопоставление, сравнение, описание, аналогия, моделирование, статистический метод, индукция, дедукция, анализ, синтез, обобщение и т. д.) методы.

Если вернемся к вопросу связи киргизского языка с арабским языком и его графикой, то этот социально-языковой контакт был неизбежной и исторической предпосылкой появления

адаптированных фонетических форм арабских слов в киргизском языке [8, с. 163]. Вместе с тем, такой оживленный контакт на основе, прежде всего, межкультурной почвы и привел к появлению в киргизском языке многочисленных дуплеты арабских терминов, омонимов и синонимов тоже [13, с. 30]. Как нам представляется в результате наблюдений, арабские слова, вернее, влияние арабского языка ощущается на Юго-Восточном регионе Киргизии. Об этом, в свое время, заметил известный тюрколог М. Юнусалиев. В частности: «... основной оживленный приток арабских слов в киргизскую лексику усиливается в связи с историческими причинами в XVI-XVIII вв.» [12, с. 227].

Как принято понимать, арабские лексемы и термины проникли в киргизский язык через ислам. Поэтому, многие арабские слова, термины юриспруденции и названия объектов (в том числе населенных пунктов), прежде всего, связаны с религиозными понятиями. В результате фонетической адаптации арабских лексем, лексикон религиозных понятий и названий наблюдаются некоторые изменения в их фонетической структуре. С другой стороны, в тесной связи с особенностями его восприятия носителями языка, в качестве фонетической основы выступает способность звука быть произнесенным и услышанным, а за фонологическую основу берется способность дифференцировать значение [11]. Синтезируя в себе интерпретации явлений двух уровней — фонетического и фонологического, звук в составе адаптированных арабских слов представляет собой явление более высокого уровня абстракции, поскольку, будучи психофизиологической реальностью, в сознании говорящего он приобретает качественно новые характеристики, обусловленные при этом его физическими свойствами. Арабский вокализм в своем составе имеет трехступенчатую парадигму, в которой три краткие гласные противопоставляются аналогичным трем долгим: *a* — *aa*; *u* — *uu*; *y* — *yy*. В графическом отношении и краткие, и долгие гласные передаются теми же буквами и краткие гласные подстроками, а долгие над буквой выделяются особыми знаками так называемыми «харакет». Разумеется, как одним из фонетических уникальностей арабского языка можно заметить то, что все гласные звуки без исключения не влияют качеству согласных в комбинаторном отношении [5, с. 6].

Рассмотрение проблемы заимствованных слов (с арабского другими тюркскими языками) требует, однако, предварительного общего определения слова. Как известно, в этом вопросе, до сих пор, не существует стабильного единства мнений. В этой связи мы стараемся привести опыт краткой теории слова для арабского с одной стороны и киргизского — другой.

Общеизвестно, что слово — такая последовательность слогов и морфем, внутри которой слоговые границы не совпадают с границами морфем; напротив, на границах слова слоговые и морфемные границы совмещены. Здесь придется понимать — как усредненное, идеальное слово, слово-эталон. В актуальной коммуникативной речи, определяемой чисто синтагматически существуют и другие, представляющие по своей структуре приближения к этим, наиболее характерным словам. В прочем, киргизский язык, являясь древним тюркской семьи языков, сохранил в своем составе архетипов с сохранением гуттуральных с алтайского периода и манифестирует агглютинацию в этих лексемах. Как типологическая особенность киргизский язык сохраняет собой на протяжении веков, так называемый в тюркологии закон сингармонизма. Это — те, внутри которых границы слогов и границы морфем все же совпадают, но эти слова непременно должны находиться в парадигматических отношениях со словами исконной лексики. Либо, артикуляционная база киргизского языка сугубо отличается от группы арабских языков. Заднеязычный-гортанный ξ [айн] затрудняет адекватное произношение киргизского носителя в ходе спонтанной речи. Когда в других тюркских языках, башкирской, татарской и казахской языках, данная фонема подвергается в

мену с древним заднеязычным тюркским [ɣ]. За исключением некоторых тюркских языков, где ɣ [айн] не произносится вообще [4, с. 22-23]. Вместе с тем, когда ɣ [айн] произносится носителем киргизского языка с долгой гласной [ā] в арабском языке, во всех фонетических позициях трансформируется без исключения. В начале слова (инициативной позиции): *ар.* عَلَمٌ [a'лэм] 1) “вселенная”; 2) “народ”; кирг. аалам; *срав. каз.* элем//ғалам, *уйг.* ئالەم [алэм]; عَلِيمٌ [a'лем] 1) “ученый”; 2) аалим (специалист по мусульманской юриспруденции); *кирг.* “аалым//аалим” окумуштуу маанисинде; *срав. каз.* ғалым, *узб.* олим, *уйг.* ئىلىم [элэм]. В середине слова (в инлауте): *ар.* سَعَادَةٌ [sa'адат] 1) “успех; благополучие”; 2) *ист.* Высший титул в каганате; *кирг.* Саадат антропоним; *срав. узб.* Саодат; *ар.* سَاعَةٌ [sa'ат] 1) «время», 2) “часы”; кирг. саат; *срав. каз.* сағат, *узб.* соат, *уйг.* سائەت [саэт]; *ар.* طَاعَةٌ [ta'ат] «поклонится, подчинение»; *кирг.* таат; *срав. каз.* тағат, *узб.* итоат, *уйг.* ئىتائەت [итаэт]; *ар.* Во множественном числе: جَمَاعَاتٌ [джэмаэт], в единственном числе: جَمَاعَةٌ [джэмаэ] «общество, население»; *кирг.* жамаат//жамагат//жамаа с фонетическими дублеттами; *срав. каз.* жамағат, *узб.* жамоа, жамоат, *уйг.* جامائە [жамаэ], جامائەت [жамаэт].

Это — слова, определяемые парадигматически; при этом слова первого типа — в которых вероятный предел слогов и границы морфем все же совпадают — должны занимать в языке главенствующее положение: и количественно, и как господствующие члены в парадигмах. В противном случае слово не будет существенной единицей или же такой единицы вообще не будет представлено; причем чередования совпадающих и несовпадающих границ слогов и морфем будут случайны. Таким образом, можно попытаться определить слово, пользуясь основными единицами плана выражения и плана содержания — слогом и морфемой.

Как нам известно, слог — универсальное языковое явление. Это относится одинаково и арабскому (в данном случае языку-донору) и киргизскому (в качестве реципиента). Разумеется, мы признаем существование минимального отрезка фонетического континуума. Слог — простейшая и наименьшая артикуляторная единица, которая может быть воспринята акустически и демонстрируется графическим способом. Слог сложнее и предпочтительнее фонемы в качестве единицы плана выражения. Во-первых, он универсален, в то время как всеобщее распространение фонемы вызывает основательные сомнения. Во-вторых, это чрезвычайно важно — фонема не может быть выделена без обращения к «инородной субстанции» — к плану содержания. Например, стабильное употребление краткий гласный [a] в арабском в связи с хамза [ء] (связной согласный) в конечном результате привело к появлению долгого гласного в данном языке [7, с. 30]. В то же время синтагматическое соединение в виде [a+ء] известный языковед В.С. Сегаль объясняет со следующим образом: “...что же касается широкого гласного [a], то он характеризуется наличием единственного артикуляторного фокуса, образуемого фонизирующими голосовыми связками. Сужение этого фокуса ведет к связочной смычке (“хамза”), которая реализуется с различной степенью полноты. Следовательно, единственным фонетически родственным неслоговым элементом в сочетании [a+?] в арабском языке может быть только “хамза” [9, с. 454-455]. Все долгие гласные в подобной позиции не подвергались существенным изменениям. Ср. *ар.* تَأْيِيرٌ [та'сирун] “впечатление”; *кирг.* таасир; *срав. узб.* та'сир, *каз.* тасир, *уйг.* تەسىر [тэсир]; *ар.* بَلَاءٌ [бэла] 1) “испытание”, 2) “природный катаклизм”, 3) “труд”. В свою очередь, данная лексема воспринимается киргизской лексикой в значениях “катастрофа, инцидент и природный катаклизм” и употребляется в зависимости от географического ареала — балаа//балээ//бэлээ в адекватном значении. В частности, встречаются в пролонгированных фонетических вариантах балаала “усиливаться”. *Срав. каз.* бэле, *узб.* бало, *уйг.* بالا [бала]. Как медицинский

термин: *ар.* نَوَاء [дэва] «лечение, лекарство», аналогично в киргизском языке: даба//дабаа; *срав.* узб. даво, *уйг.* داۋا [дава]; *ар.* جَفَاء [джафа] 1) “грубость”; 2) жестокость; *кирг.* жапаа “оказывать давление, унижение”. В отдельных случаях, адаптированные на киргизский фонетический лад формы употребляются без каких-либо изменений. *Срав.* *каз.* жэбир-жапа “озобоченность, обида”, *узб.* жафо, *уйг.* جاپا [страдание]; *ар.* خَطْءٌ [ката] “ошибка”. Данная лексема в киргизском языке имеет своих вариантов: ката//катаа. *Срав.* *каз.* қате, *өзб.* хато, *уйг.* خاتا [хата].

Как нам представляется, в свою очередь, слог синкретное явление: иной раз лингвистическое, в других случаях - физиологическое. В нашем случае каждый язык следует своим законам в построении и использовании слоговых граничных сигналов; поэтому понятие слога релевантно в фонологическом, а не в фонетическом отношении. Можно утверждать, слоги существуют физиологически только в изолированных заимствованных односложных словах. С нашей точки зрения, слоги образуют ритм, характерный для каждого отдельного языка (в этом связь между морфологией и фонетикой) и арабские слова, обремененные религиозной семантикой, сохраняет свою ритмообразующую способность, во всяком случае. Либо, слоги в различных языках имеют свою особенную схему распределения интенсивности. Можно резюмировать, слог как основная единица плана выражения. Например, *ар.* سَرُوْرَةٌ [саруурат] “необходимость, нужда и спрос”; *кирг.* саруурат; *саруурат* [Юдахин, II: 138]; *ар.* طَاوُسٌ [таавус] “павлин”; *кирг.* тоос; *сал. каз.* тауыс, *узб.* товус, *уйг.* تاۋۇس [тавус]. Кстати, слова с участием долгий гласный [ū] очень редко, но сохраняет свою ритмообразующую силу. В одних случаях можно наблюдать, данная фонема трансформируется на долгий [ō] в киргизском языке в частности, тюркоязычной среде, вообще.

В свете морфемики, как следующий ступень (ярус) языковой структуры как таковой, морфонемы служат как проекция значения в плане выражения. Под «значением» имеется в виду единица плана содержания. Выделение слога в потоке выражения осуществляется непосредственным образом: единицы содержания, наоборот, различаются опосредованно, в их отражениях на план выражения. При этом одна единица в плане содержания, одно «значения» может соответствовать одному отрезку фонетического континуума, несколькими его отрезкам, или, наконец, несколько «значений» могут располагаться на одном и том же куске потока выражения и их разделение требует сложного и перекрестного парадигматического анализа. В частности, морфемы с участие краткой [и] в ауслауте произносится как долгий [ā]. С другой стороны, в киргизском языке данная фонема в составе морфем употребляется как долгий [ō], отдельных случаях как [а]. *Срав.* *ар.* دَعْوَى [да'ва] “долг, обвинение”; *кирг.* доо; *срав.* *каз.* дау, *узб.* да'во, *уйг.* داۋا [дава]; *ар.* مُوسَى [мўса], антропоним Муса//Моисей; *кирг.* Муса; *сал. каз.* Мұса, *узб.* Мусо, *уйг.* موسى [Муса].

В процессе адаптации арабских слов взаимное расположение слогов и морфем может быть различным. Число слогов и морфем может быть одинаковым, если их границы не совпадают; наконец, и границы слогов могут совпадать с морфемным составом. Кстати, в семитских языках фонемы [ý] и [ú] прожудочное положение между гласной согласной. Впрочем, если данные фонемы совпадают с “вершиной” звуковой волны слога, то тогда считаются слогами, а противном случае, т. е. в случае не совпадение с вершиной ассилограммы слога характеризуется “слабыми согласными” в семитских языках. Синкретность в этих звуках [ý] и [ú] служат первопричиной их изменчивости. К тому же, фонемы [ý] и [ú] сочетаются с гласными в сильной позиции, вернее, слогообразующими гласными, тогда они образуют дифтонги: [aú] восходящим тоном и [aú] нисходящим тоном. В

арабском языке дифтонги [aú] и [aí] имеет стабильный характер и во всех случаях слоговой комбинации сохраняют свою фонемную статус [3]. Итак, дифтонги [aú] и [aí] передаются в киргизском языке долгими [oo] и [өө].

а) [aú]→[oo]: ар. قَوْمٌ [кауm] 1) “народ, сборище”, 2) “клан, племя”; кирг. коом; срав. каз. коғам; ар. خَوْفٌ [хауп] “опасение”; кирг. кооп; ар. جَوْهَرَةٌ [джаухар] 1) “изумруд”, 2) “имущество”; кирг. жоохар «благодные руды, камень»; ар. تَوْبَةٌ [тоубэ] “удовлетворение”; в кирг. тобо//тооба; срав. каз. тоба, узб. тавба, уйг. تەۋبە [таувба]; ар. تَوْرَاتٌ [тоурат] “тора, пятикнижие”; кирг. тоорат (часть Библии); срав. каз. тора, узб. торах, уйг. توراھ [торах]; ар. شَوْقٌ [шоук] “увлечение, вдохновение”; в кирг. шоок 1) “увлечение, вдохновение”, 2) “пир”; ар. غَوْغَاءٌ [ҒоуҒа] 1) толпа, 2) шумное зрелище; кирг. коога “ссора”; срав. каз. ғауға, өзб.;

б) [aú]→[өө]: ар. دَوْلَةٌ [даулэт] 1) “государство”, 2) “диктатура”, 3) “династия”; кирг. “благосостояние”, антропоним “Давлат”. В киргизском языке, в большинстве случаев употребляется в “благосостояние, благополучие и счастье”. Срав. каз. дәлет, узб. давлат, уйг. دولەت [дөлэт]; ар. مَوْصُولٌ [маусул] “объединение”; в киргизском языке встречается в форме “мөөсүл”. Данная лексема означает членов свиты главы племени. Также, ар. نَوْبَةٌ [наубэт] “очередь, наряд”; в киргизском языке допустимы фонетические варианты как, “нөөмөт”, “нооват//нөөвэт” в аналогичных значениях. Срав. узб. навбат, уйг. نەۋەت [новэт];

7. Не редки те случаи, когда контанимиция фонем в составе морфем приведет к стяжению, уплотнению и трансформацию в составе арабских заимствований в киргизском языке. В результате таких фонетических явлений, иначе говоря слияния или контрактные взаимодействие дифтонг [aú] и [aí] обрзовались долгие [ō] и [ē] в арабском языке [3]. С участием в составе таких долгих гласных преобразуются в чужой языковой среде, т. е. они адаптированы киргизский фонетический лад соответственно. Срав. ар. جَوَابٌ [джэвоб] “ответ”; кирг. жооп; срав. каз. жауап, узб. жавоб, уйг. جاۋاب [жаваб], ар. نَوَابٌ [сэваб] 1) награда, вознограждение; 2) успех в работе; кирг. сооп; сал. каз. сауап, уйг. ساۋاپ [савап].

В типологическом плане слово можно определить как такую последовательность слогов и морфем, которая находится в парадигматическом отношении с другой последовательностью слогов и морфем, причем внутри слова предел слогов и морфем не совпадают, а по краям – совпадают. Как частный случай, слово само может быть своим парадигматическим «эталоном». В частности, арабские заимствования в киргизском языке не являются абсолютными в фонетическом плане и не всегда сохраняют внешнюю оболочку, или же фонемный состав. Как то:

1) арабские долгие гласные в закрытых слогах при процессе адаптации редуцируются [13, с. 32]. Например, ар. قاضٍ [kāz(ын)] – казы “священослужитель”, كتاب [китāбун] – китеп “книга”, زمان [замāнун] – заман “время, этап”, مزاح [музāхун] – мазак “оскорбление”;

2) Так как, связи с отсутствием долгой [ии] в киргизском языке данная фонема передается с кратким [и]. Срав. ар. عزيز [ʿazīzun] – кирг. азиз “священный, почитаемый”, ар. كَفِيلٌ [kafilun] – кирг. кепил “залог”. Замечательно то, что в большинстве в своем составе арабских заимствований в киргизском языке редуцируются на “тенвин” [َ ан, ُ ун, ِ ин] и в этой связи эти лексем приобретают в ауслауте глухих согласных: китеп (китоб- َ ан) “книга”; себен (себаб ُ ун).

При этом следует подчеркнуть, что заимствованиями являются не только те слова, которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически мотивированной связью «между звуком и значением», но и все те слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже на первый взгляд

полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического анализа (подкрепленного «внешними» данными типологии) эта связь выявляется. Вместе с тем, совершенно очевидно, что развитие, теории квантовой протяженности гласных невозможно без типологических исследований, без определения основных закономерностей универсального характера, свойственных данному явлению не только в одном языке, но, что особенно важно, на уровне двух неродственных языков и даже генетически отдаленных языковых семей (в данном случае тюркский — арабо-семитский). Например, *ар.* تَأْتِيْر [та'сирун] “вдохновение”; *кирг.* таасир; *срав.* *узб.* та'сир, *каз.* тасир, *уйг.* تەسىر [тэсир]; *ар.* بَلَاء [бэла] 1) “испытание”, 2) “инцидент, катастрофа”, 3) “труд”; Данная лексема в киргизском языке означает “природный катаклизм, инцидент” и ареальных вариантах употребляется в значениях “проблема, конфликт”. К тому же *ар.* دَوَاء [дэва] «лекарство» и пороникает в киргизский язык фонетическими дублеттами, как: даба//дабаа. С другой стороны, *узб.* даво, *уйг.* داۋا [дава]; *ар.* جَفَاء [джафа] 1) “грубость”; 2) свирепость, жестокость.

В связи с этим для современного киргизского языкознания и сопоставительной лингвистики вообще весьма актуальным представляется типологический подход к изучению особенностей проявления квантовой долготы в лексической системе киргизского и арабского языков как представителей семитской и, тюркской языковых семей. Тем самым создается возможность преодоления традиционной методики разработки заимствованной лексики с арабского, в соответствии с которой в киргизском и других тюркских языках эти слова выделяются в качестве самостоятельной лексико-семантической группы, отличающейся от других слов и частей речи, но не объясняются в плане типологически универсальных или национально специфических свойств. В древнесемитских письменных источниках дополнительная диакритика [ʾ] (алиф) в большинстве случаев символизировала согласные. Тем самым, употребление в позиции [ā < a] означал, прежде всего, квантовой протяженности гласных и такое истечение положения несколько расширил функциональной универсальности [ʾ] (алиф). Наряду с этим, [ʾ] (алиф) превращается универсальным знаком, т. е. диакритикой долгий гласной [ā] в арабском языке. Итак, в первых учебниках и других произведений полученных киргизский аудиторией тех времен (в истории киргизского народа), другими словами привезенных пособий арабскими миссионерами в Кыргызстан данные особенности арабской графики учитывались [9]. Например, *ар.* مُرَاد [мураад] “желание”; *кирг.* мураа//мурааз//мурат (в фонетических вариантах); *ср. каз.* мұрат, *узб.* мурод, *уйг.* مورات [мурат]; *ар.* مُسَافِر [мусаафир] “путешественник”; *кирг.* мусаапыр; *ср. каз.* мүсәпир, *узб.* мусофир, *уйг.* موساپير [мусапир]; *ар.* طَالِع [таали] 1) «звезда», 2) «судьба», 3) «гороскоп»; *кирг.* “счастье”, “судьба”; *ср. өзб.* толи', *уйг.* تەلەي [тэлэй]. Прежде всего, для развития слова, для его диахронической характеристики решающее значение должны иметь эволюция слога и эволюция морфемы. Разумеется, когда контактирующие языки имеют разноструктурный, дифференциальный, типологический характер диахрония заимствований имеет особое значение и манифестируют универсальные фонетические закономерности.

В заключении можно заметить, что заимствованное слово может находиться в состоянии стабильности, трансформации, прогресса или регресса — оно развивается либо в сторону интеграции и распада в слог-морфему, либо, отдельные слоги, даже морфемы изменяются до неузнаваемости. Чем ближе тенденция компактности и тенденция прозрачности к равновесию, тем более оптимальны условия для существования слова. Такая так называемая равновесия обеспечивает минимальной коммуникативной стабильностью новых лексем в ткани языка-реципиента и в отношении носителя данного языка. Значит, чем дальше эти тенденции расходятся и чем ближе одна из них к максимуму, а другая к

минимуму, тем менее благоприятны эти условия. Этим объясняется распространенность слова в различных языках. Описанные же крайние типы языков представляют собой своеобразную лингвистическую фикцию, некий структурный образ высшего порядка, не только определяющий изменение языка во времени, но и стоящий над пространственными его модификациями — в пространстве географическом и в социальном пространстве.

Далее, можно заметить, что слово нуждается на синтагматическом противопоставлении совпадающих и несовпадающих границ слогов и морфем — и на парадигматическом действии этого противопоставления. Это значит, что в некоторых случаях заимствованные слова могут быть различны в фонетическом отношении; очевидно, тенденция компактности здесь не может быть близка к максимуму и звуковая реконструкция производится по закону принимающего языка (в данном случае, киргизского языка) [2, 6, 10]. В силу несовпадения фонетических ресурсов в противопоставлении лексем разноструктурных языков учитываются соответствующие увеличения сочетательных возможностей, для принимаемого слова семантическая характеристика должна быть важнее субстанциональной. В этой связи, результаты исследования обуславливают изложение и обоснование важнейших положений в эволюции, трансформации долгих гласных в знаковой структуре языка и решение частных задач:

- раскрыты экстралингвистические причины возникновения звукового изменения лексем;
- определен инвентарь лингвистических средств анализа образования долгих гласных;
- раскрыты функции звуковых изменений;
- установлена роль динамических и комбинаторных изменений в звуковой организации лексем.

Сокращения

ар. – арабский,
кирг. – киргизский,
ср. – сравните,
каз. – казахский,
узб. – узбекский,
уйг. – уйгурский.

Источники:

- (1). Баранов Х. К. Арабско-русский словарь: Ок. 42000 слов. М., 1989. 926 с.
- (2). Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1940. 576 с.
- (3). Киргизско-русские словари: В 2-х кн. / Сост. К. К. Юдахин. Фрунзе, 1985.
- (4). Казахско-русский терминологический словарь / Под общ. ред. А. Абдрахманова. Алма-Ата, 1962.
- (5). Толковый словарь киргизского языка: В 2-х т. / Э. Абдулдаев и др. Фрунзе, 1984.
- (6). Узбекско-русский словарь / Под ред. Т. Н. Кары-Ниязова, А. К. Боровкова. Ташкент, 1941.
- (7). Наджип Э. Н. Уйгурско-русский словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1968. 828 с.

Sources:

- (1). Baranov, Kh. K. (1989). Arabsko-russkii slovar': Ok. 42000 slov. Moscow.
- (2). Yudakhin, K. K. (1940). Kirgizsko-russkii slovar'. Moscow.

- (3). Kirgizsko-russkie slovari: V 2-kh kn. (1985). Sost. K. K. Yudakhin. Frunze.
- (4). Kazakhsko-russkii terminologicheskii slovar' (1962). Pod obshch. red. A. Abdrakhmanova. Alma-Ata.
- (5). Tolkovyi slovar' kirgizskogo yazyka: V 2-kh t. (1984). E. Abduldaev. Frunze.
- (6). Uzbeksko-russkii slovar' (1941). Pod red. T. N. Kary-Niyazova, A. K. Borovkova. Tashkent.
- (7). Nadzhip, E. N. (1968). Uigursko-russkii slovar'. Moscow.

Список литературы:

1. Батманов И. А. Фонетическая система современного киргизского языка. Фрунзе: Издательство Академии Наук Киргизской ССР. 1946.
2. Блумфилд Л., Кубрякова Е. С., Мурат В. П. Язык: Пер. с англ. Прогресс, М., 1968.
3. Гранде Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков РАН; МГУ; Ин-т стран Азии и Африки. 1998.
4. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.: Наука, 2008. 261 с.
5. Ковалев А. А., Шарбатов Г. Ш. Учебник арабского языка. М.: Восточная литература. РАН, 1998. 751 с.
6. Колшанский Г. В. Логика и структура языка. М., 1965. 240 с.
7. Кямилев С. Х. Марокканский диалект арабского языка. М.: Наука, 1968. 132 с.
8. Наджип Э. Н. Языковая ситуация в Средней Азии // Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки. М.: Наука, 1970. 254 с.
9. Сегаль В. С. К фонологической интерпретации долгих гласных арабского литературного языка // Семитские языки. Материалы первой конференции по семитским языкам. Вып.2. М.: Наука, 1965. С. 451-459.
10. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
11. Сыдыков С., Мусаев С., Дыйканова Ч., Толубаев М. Очерки исторической лексики киргизского языка. Бишкек: Илим, 1991. 276 с.
12. Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1959.
13. Юшманов Н. В. Грамматика литературного арабского языка. М.: URSS, 2006. 144 с.

References:

1. Batmanov, I. A. (1946). Foneticheskaya sistema sovremennogo kirgizskogo yazyka. Frunze: *Izdatel'stvo Akademii Nauk Kirgizskoi SSR*. (in Russian).
2. Blumfeld, L., Kubryakova, E. S., & Murat, V. P. (1968). *Yazyk*. Moscow. (in Russian).
3. Grande, B. M. (1998). *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie semitskikh yazykov RAN; MGU; In-t stran Azii i Afriki*. (in Russian).
4. Dmitriev, N. K. (2008). *Grammatika bashkirskogo yazyka*. Moscow. (in Russian).
5. Kovalev, A. A., & Sharbatov, G. Sh. (1998). *Uchebnik arabskogo yazyka*. Moscow. (in Russian).
6. Kolshanskii, G. V. (1965). *Logika i struktura yazyka*. Moscow. (in Russian).
7. Kyamilev, S. Kh. (1968). *Marokkanskiy dialekt arabskogo yazyka*. Moscow. (in Russian).
8. Nadzhip, E. N. (1970). *Yazykovaya situatsiya v Srednei Azii*. In *Problemy izucheniya yazykovoi situatsii i yazykovoi vopros v stranakh Azii i Severnoi Afriki*. Moscow. (in Russian).
9. Segal', V. S. (1965). *K fonologicheskoi interpretatsii dolgikh glasnykh arabskogo literaturnogo yazyka*. In *Semitskie yazyki. Materialy pervoi konferentsii po semitskim yazykam*. Moscow. (in Russian).

10. Sosyur, F. (1977). Trudy po yazykoznaniyu. Moscow. (in Russian).
11. Sydykov, S., Musaev, S., Dyikanova, Ch., & Tolubaev, M. (1991). Ocherki istoricheskoi leksiki kirgizskogo yazyka. Bishkek. (in Russian).
12. Yunusaliev, B. M. (1959). Kirgizskaya leksikologiya. Frunze. (in Russian).
13. Yushmanov, N. V. (2006). Grammatika literaturnogo arabskogo yazyka. Moscow. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 07.12.2020 г.*

*Принята к публикации
12.12.2020 г.*

Ссылка для цитирования:

Каратаева С. К. Фонетическое освоение арабских слов с долгими гласными в тюркских языках // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. №2. С. 417-426. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/63/48>

Cite as (APA):

Karataeva, S. (2021). Phonetic Mastering of Arabic Words With Long Vowels in the Turkic Languages. *Bulletin of Science and Practice*, 7(2), 417-426. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/63/48>